Список литературы

Живейнов Н. Капиталистическая пресса США. М.: Госполитиздат, 1956.

Brock D. Blinded by the Right: The Conscience of an Ex-Conservative. Crown Publishing Group, 2002.

Мотовилов Д.А. Средства массовой информации США и неоконсерватизм: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1990.

Поступила в редакцию
17.02.2014

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

В.Н. Греков, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Православного института св. Иоанна Богослова; e-mail: grekov-@mail.ru

ЖУРНАЛ КАК ДИАЛОГ («МОСКВИТЯНИН» 1845 г.)

Автор анализирует три номера «Москвитянина» 1845 г., выпущенные И.В. Киреевским. Это была первая попытка славянофилов издавать свой журнал. Издание журнала рассматривается с точки зрения диалогических отношений. Диалог возникает, с одной стороны, между авторами журнала, а с другой — между «Москвитянином» и «Отечественными записками». Диалог постоянно прерывался, между его участниками нарушалось взаимопонимание. Все это вместе с позицией власти, отказавшей Киреевскому в праве стать хотя бы неофициальным издателем журнала, привело к невозможности передать ему журнал и к отказу Киреевского от обязанностей неофициального редактора.

Ключевые слова: *диалог, славянофилы, западники, «Москвитянин», «Отечественные записки», русская история, призвание варягов.*

The author analyzes three issues of "Moskvityanin" 1845 issued by I.V. Kireevsky. It was the first attempt Slavophiles published their journal. Edition of the journal is being analyzed from the perspective of dialogic relations. Dialogue occurs on the one hand, between the authors of the magazine, and on the other — between the "Muscovite" and "Notes of the Fatherland". Constantly interrupted dialogue between its members violated understanding. All this, together with the position of power, refused Kireevsky the right to become at least an unofficial magazine publisher, made it impossible to pass him the magazine and to the failure of his duties of unofficial editor.

Key words: *dialogue, the Slavophiles, Westerners, "Muscovite", "Notes of the Fatherland", Russian history, calling Vikings.*

Введение

Диалогический характер журналистики отметил еще Ю.Н. Тынянов. В статье «Журнал, критик, читатель и писатель» он писал о журналистике 1820-х гг.: «Читатель 20-х годов брался за журнал с острым любопытством: что ответит Вяземскому Каченовский и как поразит острый А. Бестужев чопорного П. Катенина? Беллетристика разумелась сама собою — но главная соль журнала была в критических драках» [Тынянов, 1977, с. 147]. Хотя Тынянов указывает на журналы 1820-х гг., речь идет, конечно, обо всей журналистике XIX в.

Проблема диалога представляется нам многогранной. Она включает и взаимопонимание, и борьбу культурных традиций, и стрем-

ление к истине. Поэтому она остается актуальной до сих пор. Исследователи обращаются к диалогу Востока и Запада[1], выделяют особую «философию диалога» и т. п. [Зиновьев, 2008]. К сожалению, работы, посвященные журналу «Москвитянин», проблему диалога не затрагивают и сосредоточиваются на традиционном изучении содержания и характера издания. Первым исследователем журнала стал С.А. Венгеров [Венгеров, 1886, с. 581—612]. Историю более поздней, «молодой» редакции «Москвитянина» изучали Б.Ф. Егоров [Егоров, 1974, с. 21—27], К.Ю. Зубков [Зубков, 2012]. Из современных работ назовем статьи М. Шпагина [Шпагин, 1997, с. 87—104] и Е. Сартакова [Сартаков, 2012, с. 165—179; Сартаков, 2012(2)].

«Москвитянин» (1845 г.)

Воспользуемся замечанием Тынянова и посмотрим на журнал «Москвитянин», который в 1845 г. начал неофициально редактировать И.В. Киреевский[2], как на публицистический диалог. В январе 1845 г. редактор писал В.А. Жуковскому о необходимости примирить «духовное богомыслие» и современное просвещение: «Пришел час, когда наше православное начало духовной и умственной жизни может найти сочувствие в нашей так называемой образованной публике <...> Христианская истина, хранившаяся до сих пор в одной нашей Церкви <...> истина самосущная, как свод небесный, вечно новая, как рождение <...> до сих пор хранилась только в границах духовного богомыслия. <...> Отношение этого чистого Христианского начала к нашей образованности человеческой и составляет теперь главный жизненный вопрос для всех мыслящих у нас»[3].

Таким образом, Киреевский собирался «духовное богомыслие» открыть для познания и наслаждения им светской науке, обществу, «так называемой образованной публике». «Он публикует в журнале «Обозрение современного состояния литературы». По существу, это большое вступление к разговору о европейской и русской словесности. Киреевский намечает узловые точки просвещения и рассуждает именно о них. Большая часть опубликованного текста (статья осталась незаконченной из-за болезни автора) посвящена немецкой и французской философии. Но в самом конце второй статьи мы находим любопытное обозрение русской журналистики за истекший период времени.

[1] См.: *Инговатова И.Г.* Запад — Восток: к феноменологии диалога (поиск методологических оснований). URL: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa1999_1/pages/32/pap_32.html

[2] История журнала в интересующий нас период рассматривается в статье С.А. Шпагина «Славянофилы и “Москвитянин”» // История, экономика, культура, общественная мысль России. Томск, 1997. С. 87—104.

[3] *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 367.

Киреевский анализирует пять журналов («Библиотеку для чтения», «Маяк», «Отечественные записки», «Современник», «Финский вестник») и две газеты («Северную пчелу» и «Литературную газету»). Автор сталкивает их друг с другом, как бы вопрошает от лица читателей о характере издания, в то же время сам внимательно наблюдает за направлением журнала или газеты, за его отношениями с читателями. Он убежден, что литературный журнал похож на предисловие к книге и предназначен для предварительного знакомства, так сказать, для завязывания диалога. Цель журнала — помочь читателю составить себе «разумный отчет», сформулировать собственное мнение «о предметах наук и литературы». В действительности же противоречивость журналов свидетельствует, по его мнению, о неопределенности намерений, о неготовности литературы и журналистики выбрать какое-либо определенное направление. Вот почему, разбирая текущие журналы, Киреевский прежде всего сосредоточивается на анализе «общего мнения» или направления журнала. Ведь именно по этому направлению читатели и должны судить об издании, соглашаясь с ним или возражая ему.

Однако не все журналы следуют этой логике. Старейший журнал «Библиотека для чтения» поражает «совершенным отсутствием всякого определенного образа мыслей»[4]. Критика интересуют «отношения между мыслию и предметом». Он находит эти отношения абсолютно случайными. Более того, журнал не интересует, справедливо ли его суждение или нет, он непоследователен в своих высказываниях и т.п. Одним словом, журнал похож не на журнал, а на сборник случайных произведений.

Критик считает, что в «Библиотеке» встречается много статей, которые интересны сами по себе. Тем не менее это лишь подтверждение того факта, что журнал как журнал несостоятелен. Касаясь библиографического отдела «Библиотеки», Киреевский объясняет, что он совершенно оторван от реальности. Библиографические заметки, рецензии и критические статьи совершенно не рассчитаны на серьезное восприятие. Диалог журнала с читателем превращается в игру, в кривляние и кокетничанье. «Библиотека» смеется над книгами, которые рецензирует. Смеется над авторами, в конечном счете, смеется над собой. От этого все ее нападения приобретают характер хотя и фантастических, но вполне невинных и безобидных шуток. «Она («Библиотека». — *В.Г.*) переиначивает слова автора по своему намерению, соединяет разделенные смыслом, разделяет соединенные, вставляет или разделяет целые речи <...> иногда сочиняет фразы, совсем небывалые <...> и сама сме-

[4] См.: *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. С. 193, 201.

ется над своим сочинением Читатель видит это и смеется вместе с нею, потому что ее шутки почти всегда остроумны и веселы <...> потому, наконец, что журнал <...> не объявляет притязания ни на какой другой успех, кроме чести рассмешить и забавить публику»[5].

Данное рассуждение Киреевского важно для нас в нескольких отношениях. Прежде всего, понятно, что он не одобряет позицию и журнальную политику «Библиотеки для чтения». Он рассказывает об этом с такой легкостью, с таким заразительным добродушием, которое совсем не вяжется с серьезным отношением к журнальному делу. «Библиотека» явно не уважает своих читателей. Но Киреевский этого словно бы и не замечает. Любопытно, что он с уважением отзывается о редакторе журнала Сенковском, хвалит его за ученость, за дар популяризаторства.

Чем же объяснить такое снисхождение, такое всепрощение «Библиотеке»? Подкупает ли критика отсутствие претензий, смех над собой или же он прощает зубоскальство по другим причинам? Неужели он всерьез считает все это диалогом? Ведь он понимает, что стоит за игривостью тона «Библиотеки»: «за удовольствие позабавить продается верность слова, доверенность читателя, уважение к истине и т.п.». Слова одновременно очень точные и очень горькие... Киреевский полагает, что это сознательная позиция, выбранная для достижения коммерческого успеха. Стоит ли спорить с таким журналом? Остается только пожалеть о том, что таланты редактора и сотрудников не применены к делу серьезному, не помогают «проникнуть из литературы в самую жизнь, связать ее различные явлении в одну мысль» и таким образом «составить крепко сомкнутое и сильно развитое мнение»[6].

Сожалея о «Библиотеке для чтения», Киреевский между тем намечает положительную программу для журнала, скорее всего, для своего же (точнее, почти своего — ведь он редактирует журнал неофициально, по договоренности с Погодиным). Поэтому нам следует обратить внимание на то, что Киреевский считал диалог обязательным элементом современного журнала и что сам он такой диалог с читателем ведет, но не напрямую, а несколько завуалировано, представляя свои теоретические разработки как мысли в связи с изданием «Библиотеки». Завершая ее разбор, критик отказывает изданию в звании журнала, называет его «сборник разнородных статей», а критику — «забавой» для читателя.

Киреевский подчеркивает необходимость для успеха единого направления, рассуждает, разъясняет, берет читателя в союзники, т.е. сохраняет синкретический характер обращения к аудитории.

[5] *Киреевский И.В.* Критика и эстетика. С. 194.
[6] Там же. С. 194, 195.

Зато в материалах Погодина, Стурдзы и других авторов «старого» «Москвитянина» отчетливо прослеживается учительство, назидание. В полемических выступлениях Хомякова и Самарина, при наружном уважении к чужому мнению, чувствуется непримиримость, нежелание понять собеседника. (Справедливость требует сказать то же самое и об оппонентах славянофилов, они также оказались неспособны к настоящему диалогу, диалогу — взаимопониманию, взаимодополнению, а не только к диалогу — опровержению.) Различие ценностей спорящих можно определить как различие между коллективной и индивидуальной свободой. В необходимости свободы они не сомневаются, но считают вполне допустимым свое представление о свободе и ценностях навязать.

Напротив, два других издания — «Отечественные записки» и «Маяк» — обладали «резко определенным мнением» и выражали противоположные направления. Любопытно, что Киреевский не просто сталкивает, а как бы уравновешивает их, приравнивает друг к другу. Если «Отечественные записки» для критика — крайнее выражение западничества, подхватывающего модные мысли и чувства западной литературы и соответственно моде меняющего свои взгляды, то «Маяк» — крайнее выражение пристрастия к отечественному, о чем тот же Киреевский пишет не без иронии. «Маяк» видит только вредную сторону западного просвещения и, желая «избежать к ней сочувствия», впадает в крайность: «отвергает все просвещение европейское вполне». Несмотря на ожесточенную полемику двух журналов, они взаимно дополняют один другого, умеряют крайности, сглаживают противоположности. Полемика и служит оправданием их существования. Однако характер и аргументы спора легко предугадать: «один хвалит то, что другой бранит <...> даже одни и те же выражения, которые в словаре одного журнала выражают высшую степень достоинства, — например, европеизм, последний момент развития, человеческая премудрость и проч., — на языке другого имеют смысл крайнего порицания. Оттого, не читая одного журнала, можно знать его мнение из другого, понимая только все слова его в обратном смысле»[7].

За такой оценкой просматривается недоверие к ценностям обоих журналов. Киреевский специально оговаривается, что тенденции, которые выражают «Отечественные записки» и «Маяк», еще не составляют направление журналов в собственном смысле слова, поэтому правильнее говорить только об «идеалах», ибо цели, поставленные журналами, так и не достигнуты. Несколько ранее, в этой же статье, критик пояснял, что «крайность результата, хотя и не сознанная, но логически возможная, обнаруживает ложность

[7] Там же. С. 193, 193—194.

направления»[8]. Следовательно, сама «крайность» выводов и суждений «Маяка» и «Отечественных записок» подтверждает их ложность.

Вместе с тем Киреевский считал, что «направление общественное» выражается не в «уродливых системах», а в «целом направлении литературы европейской». Очевидно, что и журналистика как часть литературы должна соответствовать ее общему направлению. Однако же журнальная словесность преобладает над изящною литературой и определяет собой ее характер. Причем не только художественная, но также историческая и философская мысль обратились к настоящему, к «текущей минуте». Причина — в искреннем интересе словесности к настоящему. Киреевский констатирует глобализацию познания: «мысль человека срослась с мыслью о человечестве». Однако сама глобализация вызвана развитием новых стремлений и чувств. Это стремление любви, а не выгоды, настаивает публицист.

Не менее важно и стремление обычного человека «участвовать мыслию в общей жизни, сочувствовать ей изнутри своего ограниченного круга». Человек озабочен мировыми событиями постольку, поскольку это касается «судьбы ему подобных». Очевидно, что в сознании отдельного человека его судьба и судьба всего мира взаимосвязаны. Киреевский объясняет, что устремленность к настоящему вызвана, в частности, желанием сблизиться с жизнью, пониманием большей ценности внутреннего по сравнению с внешним: «живой дух народа существеннее его наружных устроений». Отсюда и возникает «необозримая задача» — «усовершенствование человека и его отношений»[9].

Если принять точку зрения Киреевского, недостатки «Маяка» и «Отечественных записок» становятся очевидны: они не только не живут, но и не стремятся жить общею жизнью, замкнули себя в своем ограниченном одностороннем мире. Впрочем, даже их ограниченность могла бы быть полезна, если бы она действительно была выдержана полностью, «беспримесно», как говорит Киреевский. Но вместе с антизападничеством «Маяк» проповедует случайные начала, разрушающие и искажающие те самые идеалы, которые он отстаивает, обвиняет Пушкина в безнравственности и дурном вкусе, употребляет какой-то странный язык собственного изобретения. В свою очередь «Отечественные записки» свое увлечение западной литературой и философией также доводят до крайности. Желая передать самые новые явления западного просвещения, этот журнал «беспрестанно увлекается» какими-то частностями. К сожалению, полагает публицист, последние «модные мнения» на практике оказываются повторением уже известного, оборачиваются запаздыванием. Хотя журнал и обращается к самым новым книгам, но воспринимает их изолированно, в отрыве от всей западной науки и образованности. В результате мысль, новая на Западе, превращается в России в несколько видоизмененную и «преувеличенную» старину[10].

Впрочем, выдвигая столь серьезные упреки, Киреевский не приводит никаких конкретных примеров и доказательств. Читателю предлагается поверить ему на слово, исходя из логики рассуждений. Единственный конкретный факт, на который он ссылается, — попытка «Отечественных Записок» поставить И. Тургенева и А. Майкова выше прежних писателей, «уменьшить литературную репутацию» Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, Е.А. Баратынского. Среди обиженных названы также Н.М. Языков и А.С. Хомяков, слишком близкие к кружку славянофилов.

Упрек Киреевского в данном случае несправедлив вдвойне. Он неверно трактует эстетическую позицию «Отечественных записок». Расставляя по-новому литературные приоритеты, журнал вовсе не собирался уничижать прежних кумиров или поставить на их место молодых авторов, но зато провозгласил смену эстетических критериев и литературных авторитетов. Поэтому подражание французской моде здесь уже точно ни при чем. Набиравшие популярность Тургенев и Майков кажутся славянофильскому критику гораздо менее значительными, чем тот же Баратынский и Хомяков.

О «Северной пчеле» и «Литературной газете» в статье сказано мимоходом. Однако нейтральный тон, нарочитая беспристрастность не обманывают читателя. Ведь трудно оставаться нейтральным по отношению к изданию одиозному, крикливому и на которое трудно положиться. Тем не менее критик находит возможность сопоставить «Пчелу», но не с другой газетой, а с «Отечественными записками». Оказывается, «в неполитической части своей она (“Северная пчела”. — *В.Г.*) выражает такое же стремление к нравственности, благоустройству и благочинию, какое “О[течественные] з[аписки]” обнаруживают к европейской образованности». При этом суждения «Северной пчелы» называются «не совсем справедливыми»[11].

Что же значит такое неожиданное сравнение? Критик иронизирует над «Отечественными записками», намеренно снижая оценку журнала, намекая, что суждения «Отечественных записок» подчас так же недостоверны, как и поучения «Пчелы». Такое сравнение могло возмутить критику «Отечественных записок». Однако, как

[8] Там же. С. 185.
[9] Там же. С. 155, 156, 157.
[10] Там же. С. 198.
[11] Там же. С. 199.

мы увидим дальше, Белинский, оспаривая сравнение с «Маяком», промолчал о сопоставлении с «Северной пчелой».

Мы видим, что «Северная пчела» и «Отечественные записки», по мнению критика, слишком пристрастны. Но и «Литературная газета» не вызывает у него похвалы, так как лишена своего направления. Киреевский даже называет ее «литературною конфектою», сладким десертом.

В поисках адекватного выражения мысли он исследует направление «Современника» и убеждается, что это чисто литературный журнал. Он был начат еще Пушкиным и до сих пор сохраняет особое положение в журналистике. Его достоинство — «спокойная независимость», отсутствие полемики, мишуры, увлечения литературной модой. Но, оказывается, и этого спокойствия недостаточно для журнала. Ибо в «наше время достоинство чисто литературное уже далеко не составляет существенной стороны литературных явлений».

Самым интересным и перспективным из всех журналов Киреевский считает «Финский вестник», который начал выходить недавно. Тем не менее в «Обозрении...» он одобряет намерение сблизить русскую и скандинавскую словесность и даже намечает возможную программу журнала: познакомить с внутренней жизнью скандинавских стран, с «многозначительными вопросами», которые занимают их жителей в настоящее время, раскрыть «умственные и нравственные движения», т.е. общественную мысль этих стран. В программе предполагается не только показать, но и объяснить «удивительное, почти неимоверное благосостояние низшего класса», «удивительное развитие некоторых сторон народной нравственности», описать отношения между сословиями. И все это увенчивается предложением связать все упомянутые вопросы с литературным развитием «в одну живую картину». Но в таком случае журнал превратится из литературного в универсальный.

Желает ли этого действительно Киреевский? Считает ли он возможным превратить в такой журнал и «Москвитянин»? Скорее всего, да. Подводя итоги, он замечает, что господство журналистики в литературе то же, что господство философских сочинений в области наук. Понятно, что философия вступает в союз с журналистикой. Значит, все журналы должны отдать ей дань? Нет, не так. Задача заключается в другом: каждый сам должен составить себе «свой собственный образ мыслей» и воспользоваться для этого «всей совокупностью жизни», если не желает навсегда «остаться при книжных фразах»[12].

[12] Там же. С. 200, 201, 202.

Киреевский очень хорошо понимает необозримость, сложность общей «совокупности жизни». Правда, он надеется, что уже начинается изменение, намечаемое новым, славяно-христианским (т.е. собственно славянофильским) направлением. Он утверждает, что современная литература после смерти Пушкина потеряла законный смысл своего существования. Вероятно, потому, что после этого исчезла общая связь явлений,

Как же объяснить бездоказательность, голословность обвинений в «Обозрении...» 1845 г.? Ни цензурные трудности, ни пренебрежение элементарными правилами критики здесь явно не подходят. Скорее всего дело в том, что на автора влияла кризисная коммуникация, искажала его взгляд, его мысли. Возможно, он собирался также вернуться к этой теме в третьей, заключительной части статьи, так и не написанной.

В том же 1845 г., в том же «Москвитянине» (ч. 2, № 2) К. Аксаков публикует рецензию на стихотворение И. Тургенева «Разговор», которое кажется ему слишком явным подражанием Лермонтову, безликим и бесцветным. Он видит в стихах «холодный эгоизм», «гнилой и бесплодный». Не приемлет рецензент также и «спокойное отрицание жизни предков». Аксаков разделяет мнение Киреевского о недостатках современной литературы.

Неуважение к жизни (пусть даже древней жизни) простого русского народа для К. Аксакова грех едва ли не больший, чем беспомощность художественной формы[13]. Спустя два года в «Московском литературном и ученом сборнике на 1847 год» он разбирает поэму «Помещик» и издевается над ней, называет «вздором». Зато в специальном примечании хвалит рассказ «Хорь и Калиныч»: прикосновение к народу и его жизни сразу дало силу автору.

«Неприятное и горькое чувство» родилось у К. Аксакова после чтения поэмы А. Майкова «Машенька» в «Петербургском сборнике». Если в более ранней поэме «Две судьбы» он чувствовал любовь к России, к народу, находил, что герой ее — человек жизненный и искренне преданный России, то в новой поэме Майков превратился в скучного поэта наподобие Тургенева.

Такая оценка поэзии Тургенева и Майкова казалась противоположной теплым и дружественным отзывам Белинского. Однако сама методология анализа, подход к тексту у обоих критиков совпадает. Разбирая поэму «Две судьбы», К. Аксаков пересказывал сюжет и замечал: «Завязка, содержание — пустое. Но в этом произведении есть мысль или намерение сказать мысль, которая, конечно, выразилась нисколько не художественно, но на которую стоит обратить внимание»[14]. А вот мнение Белинского о поэме

[13] *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Литературная критика. М., 1981. С. 158, 161.
[14] *Аксаков К.С., Аксаков И.С.* Литературная критика. С. 194.

«Машенька» (которую К. Аксаков так и не принял): «Сюжет даже и не нов. Но в художественном произведении дело не в сюжете, а в характерах, красках и тенях рассказа»[15].

Киреевский лишь мельком говорит о Майкове, ставя его значительно ниже Лермонтова. Однако такое умолчание имеет еще один аспект. Даже в своих ранних критических статьях он спорил всегда с суждениями, а не с конкретными людьми, скрывая имена своих оппонентов. Напротив, и защищая, и ниспровергая литературные авторитеты, критик обычно называл имя автора и боролся столько же с литературной тенденцией, сколько и с ее носителями.

Реплика Киреевского направлена была, вероятно, против отклика В.Г. Белинского на поэму Тургенева «Параша», назвавшего ее одним из «прекрасных снов на минуту проснувшейся поэзии». Однако же, несмотря на похвалу, Белинский и понимал, и отмечал ограниченность таланта молодого автора. Он даже пояснял, что подобные произведения истинны, потому что передают «сердечную симпатию ко всему живому» и умеют сохранить оригинальность даже при отсутствии новизны, благодаря тому, что их чувства и мысли «не пойманы извне и на лету, а возникли и выросли в душе поэта»[16]. Отзыв Белинского, конечно, субъективный, им движет, скорее, не эстетическое чувство, а желание поддержать молодого писателя нового поколения, близкого ему по взглядам. Сама похвала здесь выглядит как-то двусмысленно: оригинальный талант, не отличающийся новизной, кажется явной натяжкой, во всяком случае, исключает автора, к которому это относится, из числа настоящих писателей. Что касается Майкова, Белинский не раз обращался к его творчеству, посвятил ему специальную статью «Стихотворения Аполлона Майкова». Но и в этом случае он признавал дарование поэта лишь в антологическом роде. Упреки же Белинского почти те же, что и в статье К. Аксакова. Его смущает «странная фантазия — свести Цезаря с русским мужиком и заставить объясняться до такой степени посредственными стихами...». Скорее всего, в терминологии Белинского, и Тургенев, и Майков — «обыкновенные таланты», появлению которых он радовался[17].

Как мы видим, смысл полемики «Москвитянина» и «Отечественных записок» приходится восстанавливать. Диалог журнала и с единомышленниками, и с оппонентами, и с другими изданиями оказывается латентным, скрытым. Опыт «Москвитянина», к сожалению, нельзя считать удачным. Но и условия этого опыта нельзя

[15] *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1982. Т.8. С. 148.

[16] *Белинский В.Г.* Там же. М., 1979. Т. 5. С. 437, 441.

[17] *Белинский В.Г.* Там же. С. 208. Понятие «обыкновенный талант» разъясняется во «Вступлении к “Физиологии Петербурга”». См.: *Белинский В.Г.* Там же. М., 1981. Т. 7. С. 131.

считать эталонными. Киреевский так и не получил разрешения стать официальным редактором журнала. Диалог часто превращался в обмен колкостями в репликах, статьях, устных высказываниях. И даже полемика о сути дела оказывалась сдержанной, не свободной, не полностью раскрывающей взгляды спорящих сторон. Кризисная коммуникация приводила к изолированности отдельных журналов и публицистов. Диалог «Москвитянина» и «Отечественных записок» в этой ситуации — с обеих сторон — походил на «диалог глухих». Оппоненты не слышали и не желали понимать друг друга.

Покажем это на примере статьи Белинского «Литературные и журнальные заметки», в которой критик ответил на высказывания об «Отечественных записках». Он явно не видит никакого возрождения «Москвитянина», так как все в журнале осталось на своем месте. Правда, критическая статья самого Киреевского вызывает некоторое сочувствие. «Несмотря на ложное основание и произвольные выводы <...> в ней высказано много дельного, умного, верного о современном состоянии Европы <...> Хотя мы тут не нашли ничего нового, но — повторяем — не новое было высказано с таким мастерством, которое очень редко встречается в оригинальных статьях русских писателей»[18]. Подобные похвалы довольно типичны для Белинского. Он отдает должное автору, но вместе с тем указывает на существенные недостатки. Это, скорее, дань вежливости, стремление показаться объективным, чем действительно объективное высказывание. Как и у Киреевского, здесь нет разбора, анализа. Мы имеем дело с оценочными суждениями, не подкрепленными доказательствами. Да это и понятно: с суждениями о Западной Европе критик «Отечественных записок» знакомился, скорее, по обязанности, с нетерпением ожидая размышлений о русской литературе и, как он признается, изложения славянофильской теории.

Прочитав обозрение русских журналов, он с мнением Киреевского практически ни в чем не согласился. Подтверждая мысль о том, что «Отечественные записки» игнорируют «Маяк», он в то же время возмущается и отвергает предположение о борьбе с направлением «Маяка». Однако прав на этот раз был Киреевский, а не Белинский. Делая вид, что игнорируют, «Отечественные записки» не раз обращаются к идеям, которые «Маяк» проповедовал. Сам же Белинский писал о «Маяке» и его направлении в «Литературных и журнальных заметках», в рецензии на «Славянский сборник» и т.п. Стало быть, эта часть опровержения несправедлива. Другой упрек вызвали слова о том, что крайностям «Маяка»,

[18] Там же. М., 1981. Т. 7. С. 567.

в свою очередь, «Отечественные записки» противопоставляют свою крайность. Возможно, подобное утверждение и не вполне корректно. Но само по себе желание противопоставить идеям «Маяка» собственные вполне очевидно. Вообще Белинский объясняет, что “Отечественные записки” находятся в том же самом отношении к Западу, в каком находится все русское общество»: изучают, иногда — подражают, следят за ходом наук, искусств <...> мод и форм жизни на Западе»[19]. И снова мы имеем дело с оценкой, которую нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Белинский считает, что журнал только следит за современным просвещением, а Киреевский — что он гонится за последней модой. Киреевский утверждает, что с возникновением славяно-христианского направления в русской литературе и общественной мысли намечается кардинальная перемена. Белинский высмеивает предположение об особой роли славян и православия в современном мире. Но и то и другое голословно. Пожалуй, Белинский прав (в рамках данной статьи) лишь в том, что приписывать особую роль направлению, которое развивается в твоем собственном журнале, не совсем красиво и объективно.

(*окончание в следующем номере*)

Список литературы

Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина [с прил. подробного указателя ко всем 22-м кн.]. СПб., 1894. Кн. 8.

Венгеров С.А. Молодая редакция «Москвитянина». Из истории русской журналистики // Вестник Европы. 1886. № 2. С. 581—612.

Егоров Б.Ф. А.Н. Островский и «молодая редакция» «Москвитянина» // А.Н. Островский и русская литература. Кострома, 1974. С. 21—27.

Зиновьев И.В. Русская философия диалога: истоки, ориентации, потенциал. Екатеринбург, 2008.

Зубков К.Ю. Молодая редакция журнала «Москвитянин»: Эстетика. Поэтика. Полемика. М., 2002.

Инговатова И.Г. Запад — Восток: к феноменологии диалога (поиск методологических оснований). URL: http://elib.altstu.ru/elib/books/Files/pa1999_1/pages/32/pap_32.html

Нольде Б. Юрий Самарин и его время. М., 2003.

Петрунин Ю.Ю. и др. Политические коммуникации: Учеб. пособие. М.: Аспект-пресс, 2004.

Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М.,1846.

Сартаков Е.В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и публицистика «Москвитянина» (1841—1846 гг.): к постановке проблемы // Русская литература и журналистика в движении эпох. Ежегодник кафедры истории русской литературы и журналистики. М.: Факультет журналистики МГУ, 2012.

[19] Там же. С. 568.

Сартаков Е.В. Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в контексте публицистики «Москвитянина»: Россия — Запад // Медиаскоп. 2012. Вып. 4. URL: http://www.mediascope.ru/node/1234

Тынянов Ю.Н. Журнал, критик, читатель и писатель // Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

Шпагин С.А. Славянофилы и «Москвитянин» // История, экономика, культура, общественная мысль России. Томск, 1997.

Поступила в редакцию
14.11.2013